

Это случилось примерно в то же время, когда резьба по дереву становилась следующим большим занятием, поразившем мир ящериц. Части коры гниющих бревен стали главным средством для резных картин. Хотя они и были сырыми, но процесс вырезания их каменными ножами был очень увлекательным зрелищем. Большинство рисунков представляли собой простые прямые линии, иногда перекрещивающиеся друг с другом, и редко что-то более сложное в виде изогнутых линий. Они даже начали вырезать на дереве свои изображения. Упрощенные, похожие на палки ящеры стали украшать деревянные панно. Это вдохновило на создание фактических палок-ящериц - тонких палочек, обернутых вместе бечевкой, похожих на ящерицу, стоило только проявить воображение. Они были весьма популярны у детей.

Внезапно произошел бум новых творческих обязанностей, которые ящерицы могли выполнять в дополнение к сбору пищи, охоте, защите колонии, воспитанию детей, обучению молодых и уходу за стариками. Большинство ящериц не занималось только одной работой, предпочитая максимизировать свои таланты в нескольких областях. Время, в которое ящерицы бездельничали, развалившись на солнце, теперь тратилось на более творческие начинания.

Между семьями и колониями началась торговля. Украшения из ракушек прибрежных колоний были популярны у лесных жителей также, как панно из коры было популярно у прибрежных колоний. Твердые, негубчатые породы колонии на склоне горы были признаны полезными всеми, из них получались лучшие оружие и инструменты.

Их цивилизация расширялась не по дням, а по часам. Я уже перестал вносить изменения в их ноги, так как все намерения и цели этого процесса были завершены. Ящерицы редко имели проблемы при ходьбе на двух ногах, и их хвосты выступали в качестве противовесов в их слегка сгорбившейся позе. Их первоначальные ноги казались немного непрочными, но с двуногим телосложением они стали крупнее, сильнее и толще для того, чтобы нести массу ящера в вертикальном положении. Их сильные ноги перемещали их быстрее по земле, когда они бежали, и их длинные руки могли ловко орудовать как большими орудиями, так и мелкими инструментами. Это была кульминация всего, что я желал.

Снова они вырастали больше, чем в предыдущие поколения, вплоть до того, что теперь они должны были вырезать пористые отверстия в черной скале на побережье, чтобы сделать их достаточно большими для того, чтобы вместить свои семьи. Скорость, с которой они изменялись, для меня была просто ошеломляющей.

В связи с освобождением моего влияния я начал работать над процессом притупления их страха перед огнем. В течение последних нескольких лесных пожаров, возникших из-за гроз, я уделял пристальное внимание тому, откуда появлялся страх пришел, и теперь сосредоточился на уменьшении, но не полном прекращении, его власти над ними.

А потом наступил момент, когда небольшая ящерица трудилась за работой, пытаясь сделать узор на деревянной панели, и случилось так, что ящерицы по незнанию едва сами не обнаружили огонь. Маленькая ящерица использовала острую палку для того, чтобы пробурить глубокое отверстие в панели дерева. Палка не была захвачена, ящерица нашла ленивый способ просверлить отверстие в дыре, перемещая свои руки назад и вперед в противоположных направлениях с палкой между ними, заставляя ее таким образом быстро вращаться. В результате появилась очень маленькая, тонкая струйка дыма. Ящерица остановилась, чтобы проинспектировать странный запах, исходящий от деревянной панели, и я был наполнен воспоминанием, вызванным той же самой маленькой струйкой.

Трение. Я вспомнил о трении. Точно так же, как ящерица просверлила отверстие в дереве, можно было бы развести огонь, в случае использования лучины для растопки тем же самым методом. Но как я могу заставить их использовать лучину для растопки? Мысль пришла ко мне, как только другая ящерица стремглав вбежала вверх по дереву и выросла над моим будущим Поджигателем, который усердно, хоть и немного лениво работал на скалистой земле. Ящерицу, которая запрыгнула на дерево, я привел к ветви с ложным обещанием пищи, просто дав понять, что здесь может быть найдена пища. На ветви висели высохшие листья, готовые упасть от малейшего толчка. Как только она оказалась там, я послал непродолжительное чувство испуга к ее сердцу, и, как я и ожидал, она отпрыгнула прочь к другому ближайшему дереву, встряхивая ветви, с которых на землю осыпались засохшие листья. Я послал ей ощущение комфорта в качестве извинения, поскольку не имел другого способа для донесения своих намерений, это был единственный способ, который я мог придумать для того, чтобы организовать лучину для растопки в районе работы Поджигателя со своим деревянным, художественным панно.

Листья с ветки упали в то время, как незнающий Поджигатель работал внизу. Опадающие листья были обычным явлением в это время года, но, как правило, их падало не так много сразу. Масса листьев упала на Поджигателя и его произведение искусства как раз тогда, когда начала формироваться новая струйка дыма. Внезапно покрытый листьями, вместо того, что испугаться, он просто сел без дела, а его руки после еще нескольких поворотов остановились. Он вздохнул и опустил голову, затем встряхнул свое тело, сбросив с себя листья. Он уже собирался убрать эту массу со своего произведения искусства, когда заметил любопытную вещь. Крошечная струйка дыма стала немного темнее, немного толще.

К этому времени он понял, что этот дым исходил от огня, хоть он и не видел языков пламени, частично благодаря моему влиянию ему было скорее любопытно, чем страшно. Вздох был именно тем, что помогло маленькому пламени вырасти на груди лучин для растопки. Он уставился на него, и мне пришлось использовать немного больше своего влияния, чтобы побудить его продолжить. Он начал осознавать, что его ленивый трюк для сверления отверстий каким-то образом образовал дым, и что листва каким-то образом усилила его. Он поставил свою заостренную палочку обратно на панель, пробираясь через тонкий слой листвы, и опять принялся за свой метод, но на этот раз всерьез, а не лениво. Иногда он останавливался, чтобы проверить, как там дым, не подозревая, что когда он наклоняется осмотреть тлеющие угли, его любопытное дыхание также помогает увеличить рост огня.

И потом это случилось. Небольшое пламя появилось изнутри кучи и потянулось к листьям, зажигая и сжигая их и оставляя небольшую почерневшую шелуху после себя. Поджигатель отклонился назад, пока крошечное пламя съедало все высушенные листья. Но даже когда вся листва была израсходована, огонь остался. Деревянное панно, над которым он работал, приняло на себя пламя.

Первый хлопок, при котором огонь выпустил газ изнутри древесины, так напугал Поджигателя, что он отпрыгнул назад. Но любопытство по-прежнему удерживало его. Проходившая мимо ящерица подошла к нему и замерцала тревожными цветами на своей чешуе, но Поджигатель поднял лап, чтобы успокоить ее и попросить подождать. Она осталась с Поджигателем и наблюдала за тем, как огонь поглощал все панно. Перед тем как он закончил, несколько других ящериц собрались вокруг, заинтересовавшись распространившимся запахом гари.

Некоторые из них были беспокойны, нерешительны, но пламя было также красивым по-своему. Огонь был достаточно небольшим, и несмотря на то, что он вызывал некоторое беспокойство, вряд ли легко объял бы весь лес пламенем, в связи с чем в первый раз ящерицы могли

наблюдать прирожденную красоту огня, танцующего на дереве, поглощающего его полностью и оставляющего лишь только почерневшие угольки.

Поджигатель был очень взволнован своим открытием, и принялся снова разжигать огонь, чтобы понять, сможет ли он вновь воспроизвести его. Ему потребовалось некоторое время, но, наконец, он усвоил метод. Самка, которая впервые увидела, как он добыл огонь, проявила симпатию к нему, и они в конечном итоге создали семью. Вскоре он научил ее делать огонь с помощью использования древесины, палочек и листьев деревьев. Многие ящерицы по-прежнему настороженно относились к самодельному огню, но, учитывая, что он еще не вызвал каких-либо вспышек лесных пожаров, их любопытство начинало преодолевать присущий им страх.

Дело подошло к осуществлению. Эпоха огня, наконец, началась. После всего этого, я был почти удивлен, что ящеры не создали огонь сами, учитывая все те новые инновации, которые происходили в их колониях. Я уверен, будь у них немного больше времени, они, вероятно, поняли бы это сами. Я не мог не задаваться вопросом, стоит мне дать им глубины моря и высоты неба, будет ли после этого от меня еще какая-то польза?

Конечно, я не был бы брошенным, но что я смогу сделать для них стоит им только приспособиться ко всему? Буду ли я просто безмолвно наблюдать за тем, как их цивилизация будет развиваться без необходимости моего вмешательства? Или я исчезну, исполнив свою роль? По всей вероятности, я бы долго размышлял об этом, но, прежде чем я успел надолго затеряться в своих мыслях, произошла катастрофа.

Я наблюдал за моими ящерицами на протяжении многих поколений, ураганы и землетрясения были обычным делом, но никогда не было ничего подобного. Я чувствовал, как это происходило глубоко под землей. Как в те времена, когда я был истощен и почувствовал свою связь со всем миром, где-то в глубине моего существа я все еще был связан с миром. Именно с этого места внутри меня, как я чувствовал, начались толчки. Давление в земле выросло, и пласт земли, проиграв в борьбе за господство, предал мой маленький мир хаосу.

Ящерицы могут инстинктивно чувствовать, что что-то не так судя по моей внезапной панике, и быстро прятаться в отверстиях земли и деревьев. Некоторые из ящериц из прибрежных колоний оставались в море далеко от твердой земли. Весь мир успокоился; все живые существа и даже океан замолкли в ожидании. И тогда началось.

Земля ожила и взревела с удвоенной силой. Никто не был в безопасности, не от этой чудовищности. Я ощущал трясущуюся землю через моих ящериц, и они дрожали больше от толчков, чем от собственного страха. Семьи собрались вместе, охотничьи партии бросились обратно в колонии, желая быть рядом со своими близкими.

Но земля была голодна, прожорлива. Она не остановится, пока не насытится. Целые куски скал упали на прибрежные колонии, семейные норы раздавлены под их тяжестью. Высокие деревья в лесу, который всегда был надежным убежищем, ощутили, как их корни дрогнули, выбились из-под скал, которые держали их. Возрастные и тяжелые, они опрокидывались, забирая много семей с собой. И начался эффект домино: деревья рубили другие деревья, которые подали на землю с сильным грохотом из-за того, что были вырваны из земли. С высокой горы, на склоне которой расположились колонии, обрушились в виде оползня свободные блестящие черные камни, редкие виды деревьев сильно пострадали и были повалены от толчков и камней.

Крики, паника, боль, плач. Столько страшных эмоций наполнило семьи сердце. Я не мог их

успокоить, я едва мог держаться среди этой огромной массы эмоций. Было трудно сказать, где заканчивались они и начался я. Это продолжалось несколько минут, но ущерб был огромен. Многие были захоронены в своих норах, другие же отчаянно пытались раскопать их. Несмотря на то, что они причиняли себе боль, они быстро собрались, чтобы освободить своих братьев и сестер прежде чем свет сердец их любимых будет утрачен.

Поэтому многие пришли ко мне в течение нескольких этих страшных моментов. Я был переполнен воспоминаниями и всей болью их ухода. Это было невыносимо. В минуты, последовавшие за огромным землетрясением, я отчаянно пытался сохранить самообладание. Я не мог позволить себе быть подавленным, не сейчас. Я все еще должен был предупредить их.

Земля была перенасыщена, полна хаоса, который она принесла. Нет, новая опасность пришла из другого глубокого и обширного места. Те же самые толчки, что сотрясали землю, разбудили что-то ото сна. Море пробудилось и жаждало отмщения.

<http://tl.rulate.ru/book/612/14931>